

Когда-то, прежде чем писать статью о народном художнике А.Н. Никольском, я сходила в художественный музей и принесла оттуда отзывы зрителей и искусствоведов, Так представьте себе, он бросился с жадностью читать именно зрительские отклики и вернул мне отзывы искусствоведов со словами – я их знаю.

Поэтому мне хочется выступить в роли читателя, влюблённого в стихи А. Чернышёва, остановиться на отдельных из них, меня поразивших и от того самых дорогих. А «Берлинские» найдутся. Хотелось бы, чтоб они объявились, как можно раньше.

Вся поэзия А. Чернышёва так насыщена биографией, так связана с его личностью и с судьбой поколения, а всё личное и общее так сложно в ней переплелось, что чисто литературный анализ его книг просто невозможен без этого. Жизнь поэта плотно спрессована, что в ней нет ни одной потерянной минуты. В одиннадцать лет – война. Но как бы ни тяжело было в эти годы, они дороги поэту.

«Была война. Я воевал с нуждою, В очередях толкался у оград, ходил в тряпье, питался лебедою, а пайке до беспмятства был рад.»

Мне, его читательнице и почти ровеснице (он родился в 1930 году, а я в 1941 году), знакомой с военным и послевоенным голодом, дороги его стихотворения: «Картошка», «Сухари». До слёз пронимает стихотворение «В клубе». Передо мной очень зримо встаёт мальчуган, поющий песню о гибели бойца.

Хочу остановиться на одном стихотворении раннего периода творчества Чернышёва. Оно называется «Первая любовь». Но очень горька любовь, когда её предают. В этом стихотворении речь идёт о предательстве взрослой, зрелой женщины, которая, фактически соблазнив неопытного юношу, бросила его, когда с фронта вернулся муж. Смотрите, какие горькие слова звучат:

Я был забыт.

Я для неё, как не был.

А мир шумел.

А мир звенел от счастья.

Мир целовался и сорил лузгой.

И не встречала боль моя участья

В том океане радости людской.

С творчеством Чернышёва я познакомилась ещё в десятом классе. Посещала литературное объединение «Молодость Сибири», которым руководил поэт-ленинградец Илья Фоняков. Туда же иногда приходил и Анатолий Александрович. В 1962 году он перестал посещать. Позже я узнала, что он заочно учится в Москве в литературном институте им. М. Горького.

Его первые стихи появились в тонюсеньком сборнике «Старт». Потом я встретила их в сборнике «Новосибирск по-

этический» за 1959 год, в сборнике «День поэзии» за 1965 год и в сборнике «Из детской памяти вернись» за 1972 год. Какой разброс публикаций! В одном из них было стихотворение «Учителька». И мне было безумно жалко эту изголодавшуюся до обмороков учительницу, которая вела уроки на дому у одной из учениц, так как в школе разместили госпиталь.

«...Рассаживались в комнатухе тесной, Где льдом на палец обросло окно, заучивали пушкинские тексты, читали наизусть «Бородино».

Потом я долго-долго нигде не могла встретить новых публикаций. Куда мог деться поэт, так серьёзно начавший свой путь в поэзии? Оказывается, он писал в стол. Хотя его стихи, послушав самого поэта, одобрили такие мэтры, как Андрей Вознесенский и Валентин Берестов. С их подачи журнал «Сибирские огни» дал подборку, которую в Союзе писателей России назвали лучшей публикацией года в журнале. Это был 1958 год. А позже лучшей поэтической книжкой в России представили его сборник «Просторечие» в столичном альманахе «День поэзии» №2 (1969 год).

Сборник был опубликован опять же с подачи столичных: Владимира Солоухина и Сергея Смирнова, автора нашумевшей в своё время поэмы «Свидетельствую сам». Их рецензии поэт привёз с защиты диплома в Литературном институте.

Удивительно, но местная критика его не замечала. Кроме Егора Кузьмича Лигачёва, секретаря Новосибирского обкома партии по идеологии. Прочитав стихотворение «Курилка» в газете «Молодость Сибири», он пришёл к писателям и устроил разнос: «Ведь если верить Чернышёву, у нас вся демократия в курилке». И... из плана Новосибирского издательства выпал сборник «Земное притяжение». Хотя в газете «Вечерний Новосибирск» за 30 или 31 января 1961 года были названы авторы, чьи стихи готовились к изданию. Была там фамилия и Чернышёва.

Я приведу заглавное стихотворение зарубленного сборника.

Земное притяжение

*Мы твёрдо знаем, что подвластно тело
Земному притяженью.*

А душа?

Я думаю об этом то и дело,

В холодный космос глядя, не дыша.

Поверьте мне,

Когда взлетит ракета

И скроется стремительно во мгле,

Не тело, нет, потянет на планету.

Сама душа потянется к земле.

И снова встанет оцутимо, веско

Любимая в халатике ночном,

Откинута ветром занавеска,

И шелест тополиный за окном.

И человек, склонившийся у пульта,

Насупит брови на короткий миг,

Почувствовав, как холодно и пусто

Вокруг ракеты мчащей напрямик.

Да, от земли, от тополей и женщин

Нам никуда, наверно, не уйти.

Но подвиги не делаются меньше,

Когда грустят отважные в пути.

Стихотворение было опубликовано 28 августа 1960 года в газете «Молодость Сибири». А 12 апреля 1961 года в космос полетел Юрий Гагарин. И выход сборника мог совпасть с этим полётом. Но... не судьба. Кстати, это вторая публикация стихотворения. Больше оно нигде не появлялось. Не суетным был автор. О чём сказал Вадим Шефнер: «В нём нет жадного и суетного стремления печататься во что бы то ни стало, печатать всё, что вылилось из-под пера. Не стремясь к лёг-

ким успехам, поэт работает над стихами много и вдумчиво. Медленно, но верно восходит его звезда на небеса поэзии, но, взойдя, я думаю, она уже не сорвётся».

И действительно, поэт начал писать сильно, сочно, но когда он, через много лет, издал книгу «Голгофа» – это было явлением. В неё, кроме «Просторечия», вошло семь новых книг, вынутых из «стола». Да и сам он стал другим: грустным, сосредоточенным.

Существует старый спор о том, что остаётся в истории: искусство, выражающее своё время, или искусство вечных ценностей духа. У Чернышёва в поэзии живут обе истины, не перекрывая, а дополняя и обогащая друг друга. В XX веке резко обозначилась черта, которую можно назвать эффектом личного присутствия автора. Сильная привлекательная индивидуальность поэта, его жизнь и судьба не только влияют на качество и восприятие сделанного им, но и значительно повышают оценку.

Возьмите его стихи «Утро», «Надо мной полыхающий жаром зенит», те же «Сухари». Они созрели в тундре Камчатки, где поэт был рабочим в геологической партии. Поэтому так убедительны, достоверны и красочны, это не стихи, а сама жизнь. Я задала поэту много вопросов, пытаюсь найти соответствие «души» и «дела», и убедилась, что у него, как у Антуана де Сент-Экзюпери, творчество и жизнь слиты воедино.

Ему дóроги и Пушкин, и Лермонтов, и Твардовский, и Дмитрий Кедрин, и Шолохов, вся русская классика. И нужна реальная жизнь с её судорожными конвульсиями XX века. Получается, что он, как поэт, явление коллективное, вобравшее в себя весь пласт русской культуры и сохранивший свою индивидуальность. В его стихах и разум, и смута, и покой, и тревога, и задушевность – особенно в детских стихах и сказках.

Он работает во многих жанрах: от элегии до оды, от гимна до сатиры, от молитвы до сказания и поэмы, – и везде остаётся самим собой. У него свой стиль, полностью растворившийся в многообразии жизни, а потому незаметный для глаз.

Ему в 2018 году исполняется 88 лет. Радисты переводят эту цифру в слова – я вас люблю. Присоединяюсь к ним и думаю: откуда такое долголетие? И вспоминаю рецепт Бориса Пастернака: «Нет ничего более полезного для здоровья, чем прямотушие, откровенность, искренность, чистая совесть. Если бы я был врачом, то я написал бы труд о страшной опасности для физического здоровья Криводушия, ставшего привычкой. Это страшнее алкоголизма». Я – врач и прекрасно понимаю рецепт Пастернака.

Я шла на встречу с Чернышёвым не без опаски. До меня доходили слухи, что он сух с людьми, строг в суждениях. И мне было так приятно, что ни светскости, ни церемонности вовсе не оказалось. С ним было легко и спокойно. Я задала ему 78 вопросов, и он честно, искренно на них ответил.

Поэт не скрывает своего мнения, что вся история XX века жива от начала до конца. Вместо неё нам подсовывали идеологические мифы, скрывая даже политическое завещание Георгия Плеханова, предсказавшего распад России, если к власти придут большевики. Век массовых исторических судорог не убил в поэте верность традициям русской поэзии, как выражения живых черт русской души, слагавшейся веками.

Талантливому писателю нужен талантливый читатель. Но он, талантливый писатель, сам создаёт своего читателя. Стихи Чернышёва очень доходчивы. Он пишет, как говорит: вопреки расхожему – говорит, как пишет. И речь его всегда искренна. На вопрос о мемуарах он сказал, что для этого надо быть незаурядной личностью.

«Я не могу стать примером для подражания, как Николай Островский. Обыкновенность во мне есть, а исключитель-

ности не вижу. А потом мемуары – это раскрытые окна в прошлое. Я уже в него прогулялся в стихах».

И не только в стихах. К столетию Великого Октября он разыскал политическое завещание Георгия Плеханова, первого русского марксиста, наглухо закрытого Лениным. А он, первый марксист, кается, что главная его ошибка – Ленин, в котором не разглядел фанатизма и ввёл его в европейскую социал-демократию. Поэт больше, чем стихами, гордится своим открытием и публикацией этого признания в печати. Вот такая гражданская позиция.

Она, эта позиция, чётко обозначена и в «Голгофе», и в сборниках «Эпоха и попса», «Поэзия без грима». Как необычно он говорит о берёзе, о её думах, почти очеловечивая образ берёзы – символа России.

*О чём молчит?
О чём она гадает,
Ещё купаясь в солнечных лучах?
О том, что улетающие стаи
Уносят лето на своих плечах?*

И каким высоким гимном звучат заключительные строки:

*О чём, о чём?
Вопросы и вопросы,
Тропинки к совершенству бытия.
Горит огнём торжественным берёза,
Нарядная красавица моя.*

И здесь же, в «Поэзии без грима», грустные слова:

*Отшумели последние грозы.
Отрыдали мои журавли.
Тихо шепчут и шепчут берёзы,
Что растаяло лето вдали.*

Утрачены радужные иллюзии, и сам он думает о прощении с родимыми весями.

*До свиданья, родимые веси:
На последний иду перевал.*

Но что удивительно, грусть его светла. Никаких мрачных мыслей.

*Да, я живу в согласии с природой,
С её спокойной мудрой красотой,
Где светлые берёзовые своды
Хранят веков спрессованный настой.
В них первый клич Адама или Евы,
И робкий отклик иволги лесной.
Не старится раскидистое древо
Материальной вечности земной.*

Чувство природы у поэта какое-то нутряное, подспудное. Он чувствует её, даже склонившись над белым листом бумаги.

*А этот лист когда-то был берёзой
И солнце пил, как мёд и молоко.
Над ним закат был золотисто-розов,
Переходящий в сумерки легко.*

А как легко он переходит к внутреннему миру человека. Обе ипостаси, человека и природы, так естественно и органично переплетаются, что их невозможно разять. Они сливаются в единый, цельный образ. Да и всё творчество его – это нечто цельное, монолитное при всей своей многогранности. Потому и книги его читаются на одном дыхании, в них живёт сама жизнь. Она так неординарна, но вся умещается в лирических и публицистических стихах и поэмах. Его творчество называют гражданской лирикой, где остро ставятся и социальные вопросы времени. И всё это спрессовано в единый образ эпохи.

Нет, он не гонится за красотостью, за вычурностью рифм, прикрывающих пустоту содержания. Для него главное – зри-

мый образ, несущий в себе глубокую, сокрытую от многих мысль. И важна естественность интонации, музыка души. Не случайно некоторые стихи стали романсами, песнями. Причём помимо автора, стихийно.

Удивляет не только глубина, но и масштабность мыслей Чернышёва. Это сродни М.Ю. Лермонтову, его любимому поэту, который за 120 лет до Юрия Гагарина увидел нашу голубую планету со стороны. Вот и Чернышёв восторженно говорит:

*Гляжу, гляжу на необъятность мира,
И дух парит над чудом из чудес,
Где мать-земля – лишь малая квартира
Под пологом сияющих небес.*

Он может ничтоже сумняшеся обратиться к Господу.
Уверенный, что Бог его, может, услышит.

*Яви свой лик и глас низвергни свыше
На суетный, на меркантильный быт.
И грянул глас.*

*И молния, как росчерк,
Легла на голубое полотно –
Автографа доподлинней и бросче
Не начертать, не пробуй, не дано.*

Вот и усомнись в существование Бога.

В душе поэта он есть. Но именно в душе, а не в храме. Наше поколение не воцерковлено. Нас и крестили-то втихаря, тайком.

В русской литературе вслед за Лермонтовым к небу приближался А. Блок. Но такой близости, какая есть у Чернышёва, мне кажется, нет ни у кого. Мне дорого всё, что написано им, хотя порой и очень грустно. Ведь в те смрадные, душные, и всё равно счастливые годы прошла наша молодость. «*При счастливом сталинском режиме весь мой род расстрелянный*

полёз»), – говорит он с горечью. А сколько бы яркого, «про- роческого» мог подарить он миру в других условиях.

Его поэзия исторична и философична. Он тесно связан с поколениями многих пластов времени: от княгини Ольги, матери православия, до наших дней. Он живёт внутри самой истории и невольно вынужден её осмысливать. Отсюда предметность, наглядность его философии и её беспощадная прямота:

*Отечество! Отец, в каком Нарыме
Ты пущен комиссарами в распыл?
Тебя по-русски, по-людски зарыли
Или расклёван и расхищен был.
Асфальтом власти намертво придавлен,
Несу свой крест – таков уж мой удел.
И думаю о давнем
И не давнем, –
Всё та же смута, тот же передел.*

Поэзия Чернышёва столь многогранна и эмоциональна, что о ней можно говорить и говорить, не достигая полного насыщения. Она будит мысль, открывая всё новые и новые горизонты, не давая места равнодушию. Взгляните на тематику его «Голгофы»: «Библейские мотивы», «Смута», «Благоговение», «Печаль», «Анатомия любви», «Глагол», «Предания старины». Всё это – рядом с «Просторечием», когда-то представленным как лучшая книжка года. Но как далеко он ушёл, работая в стол. И как просты и предметны эти названия. Никаких красотостей, никакого самолюбования. И сколько мыслей и образов за этой простотой. Вот уж действительно – необъятное не объять. В его творчество надо погрузиться и плыть, плыть вслед за русским поэтом Анатолием Чернышёвым.